

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

БИОЭТИКА И КРИТИЧЕСКАЯ СУИЦИДОЛОГИЯ

А.В. Антипов

Институт философии РАН
nelson02@yandex.ru

Биоэтика появляется в качестве ответа на затруднения человечества и моральные дилеммы, возникающие в связи с усложнением (био)технологических и в самом широком смысле социальных и культурных процессов. Биоэтический принципализм предполагает выделение универсальных положений («не навреди», «делай благо», «принцип уважения автономии пациента» и «принцип справедливости»), фундирующих положение человека в ситуации биотехнологических вмешательств, что, с одной стороны, позволяет защитить его от вредных и губительных воздействий, а с другой – дает основание для выделения и анализа потенциальных рисков от биотехнологического развития в контексте более широкого корпуса гуманитарной экспертизы и социогуманитарного сопровождения. Одной из ключевых специфик биоэтики является анализ ситуаций на границах человеческого существования, которые связаны с определением границ жизни и смерти, а также выбором, совершаемым человеком на этих границах. Вопросы и проблемы, поднимаемые в связи с самостоятельным окончанием жизни и отказом от нее в активно изменяющейся современности приобретают новое звучание в связи с развитием технологий. Обращая свое внимание также на проблемы общественного здоровья [Юдин], биоэтика делает предметом своего анализа не только эвтаназию и ассистированное врачом самоубийство, но и суицид как таковой.

В современности представления о суициде трансформируются, и самостоятельный отказ от жизни в светских обществах более не является преступлением. Но суицид остается значительной проблемой общественного здоровья [Suicide, WHO], на которую с недавнего времени обращается внимание с точки зрения биоэтики. Поскольку технологическое развитие позволяет поддерживать неопределенно долго соматические признаки жизни, в том числе при отсутствующем сознании, а страдание и боль рассматриваются как то, от чего необходимо избавиться любой ценой, поднимаются вопросы о том, может ли человек самостоятельно определять границы своей жизни в подобных ситуациях. Несмотря на грандиозные успехи медицины, полностью элиминировать боль и страдание, особенно на

терминальных стадиях заболеваний, из жизни человека она не способна, поэтому страдания следует максимально облегчить. В некоторых случаях таким облегчением является хоспис, в других оно возможно только посредством прекращения жизни. Смерть становится частью технологического контроля и «наступает вследствие выбора» [Cholbi, Valerius, 2015, p. 1], который приобретает формы эвтаназии и ассистированного врачом суицида.

Рассмотрение суицида для биоэтики является относительно недавним положением. Традиционно анализом суицида и суицидального поведения занимается суицидология, появившаяся как результат деятельности Э. Шнейдмана [Leenars, 2010], в рамках которой предлагается изучение суицида с помощью научных методов, а также создание системы эффективной предикции и превенции суицида. Суицидология понимается как междисциплинарное поле исследований, на котором соединяются методы многих наук, таких как психология, нейробиология, социология и т.д., поскольку сам объект изучения – суицид – крайне сложен и не может быть исследован инструментарием только одной из наук [Maris, 2019]. Для такого изучения суицида характерны количественные исследования и использование инструментария научной рациональности, на основании которых предполагается создание универсальной модели суицидального поведения и выделение его причин. Универсальная модель необходима для создания системы помощи и предотвращения суицида, которая могла бы сократить количество смертей от него. Результатом суицидологических исследований является доминирование в современной суицидологии, как выделяет их критик суицидологии И. Марш, трех положений: о наличии у суицидентов психических патологий, о научности суицидологии (или необходимости исследования суицида только с помощью признаваемых строгой наукой методов и инструментов) и об индивидуальности суицида, его возникновении только из отдельного единичного субъекта [Marsh, 2016, p. 16-17].

Критическая суицидология «представляет собой переосмысление суицида и превенции самоубийства; она отходит от обычных объективных и позитивистских подходов к более контекстуализированным, поэтическим, субъективным, историческим, экологическим, ориентированным на социальную справедливость и политические перспективы» [White, Marsh, et al., 2016, p. 2]. В таком варианте факторы, влияющие на формирование суицидального поведения, определяются не только как те, что имеют intersubjective значение, но исследуются как существующие в контексте взаимосвязей и взаимоотношений суицидального субъекта с, в самом широком смысле, внешним миром. Продолжая линию М. Фуко, Х. Тэйлор предполагает, что «суицидальная субъектность конституировалась через собрание “экспертных” дискурсов по этой теме на протяжении последних

двух столетий» [Taylor, 2015, p. 201]. В случае классической суицидологии представление о наличии психической патологии у суицидентов приводит к разрушению доверия к суицидальному субъекту [Baril, 2020], что также может быть рассмотрено как форма эпистемической несправедливости [Chandler, 2020, p. 38]. Критическая суицидология предполагает, что суицид не может быть понят и изучен аконтекстуально, и тем самым противостоит традиционной суицидологии, для которой целью является выделение универсальных и не зависящих от контекстуальных переменных параметров предикции суицида.

Критическая суицидология появляется как критика традиционной суицидологии и, в частности, универсализма, что переносит эту критику и на принципалистскую модель биоэтики, рассматривающую эвтаназию и суицид с универсалистских позиций. Основной, во многом гуманистический посыл критической суицидологии состоит в том, чтобы дать высказаться тем, чьи голоса оказываются заглушены (маргинализированы) или отрицаются, поскольку выстраивается следующее рассуждение: в ситуации строгой ассоциации суицида и психических состояний происходит патологизация суицида, а потому все иные способы и причины добровольного отказа от жизни не принимаются во внимание. Критическая суицидология призвана пролить свет на причины такого способа отказа от жизни [Marsh, Winter, Marzano, 2022].

Литература

- Юдин, Б.Г. Биоэтика. *Биоэтический форум*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bioethics.ru/rus/res_eth/ (Дата обращения: 31.08.2022).
- Baril, A. (2020) Suicidism: A new theoretical framework to conceptualize suicide from an anti-oppressive perspective. *Disability Studies Quarterly*. № 40(3).
- Chandler, A. (2020) Shame as Affective Injustice. Qualitative, Sociological Explorations of Self-Harm, Suicide and Socioeconomic Inequalities. In: *Suicide and social justice: new perspectives on the politics of suicide and suicide prevention* / M. E. Button, I. Marsh (eds.). New York. Routledge. Pp. 32-50.
- Cholbi, M., Valerius, J. (2015) *New Directions in the Ethics of Assisted Suicide and Euthanasia*. Switzerland. Springer International Publishing.
- Leenaars, A. (2010) Edwin S. Shneidman on Suicide. *Suicidology Online*. № 1. Pp. 5-18.
- Maris, R. W. (2019). *Suicidology*. Guilford Publications.
- Marsh, I. (2016) Critiquing Contemporary Suicidology. In: *Critical suicidology: transforming suicide research and prevention for the 21st century* / J. White, I. Marsh, et al (eds.). Vancouver. UBC Press. Pp. 15-30.
- Marsh, I., Winter, R., Marzano, L. (2022) Representing suicide: Giving voice to a desire to die? *Health*. Vol. 26(1). Pp. 10–26.

Suicide. World Health Organisation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (Дата обращения: 31.08.2022).

Taylor, C. (2015) Birth of the Suicidal Subject: Nelly Arcan, Michel Foucault, and Voluntary Death. *Culture, Theory and Critique*. № 56 (2). Pp. 187-207.

White, J., Marsh, I., et al. (2016) Introduction. Rethinking Suicide. In: *Critical suicidology: transforming suicide research and prevention for the 21st century* / J. White, I. Marsh, et al (eds.). Vancouver. UBC Press. Pp. 1-14.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ПОДРОСТКАМ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Д.Р. Гедуадже

Адыгейский государственный университет, г.Майкоп
geduazhed16gmail.com

Среди причин проявления насилия на первый план выходят социально-культурные изменения, происходящие сегодня в России в различных сферах жизни, связанные с неблагополучием и социальной нестабильностью, в сочетании с неблагоприятными семейно-бытовыми отношениями между взрослыми и детьми [Беличева, 1994; Румянцева, 1991]. Возникающее личностное противоречие между потребностью быть принятым ближайшим окружением и реальными возможностями ее удовлетворения выступает в качестве своеобразного конфликтообразующего фактора, находящего разрешение в насилии по отношению к другому человеку [Фурманова, 2001, 2004; Хохлова, 2003].

В современных условиях работа по профилактике насилия в школьной среде не отвечает в полной мере актуальным социально-культурным требованиям. Соответственно успешная профилактика насилия в школе требует разработки технологии социальной работы по профилактике насилия в образовательных учреждениях.

Для разработки технологии по профилактике насильственного отношения к подросткам мы использовали методику анонимного анкетирования. Объектами исследования являются дети, подвергшиеся насилию в школьной среде. При разработке анкеты нами были поставлены следующие задачи исследования:

1. Охарактеризовать клиентов (детей, подвергшихся насилию) как объектов социальной работы;
2. Определить содержание социальной работы по профилактике насилия в школьной среде;
3. Разработать и апробировать технологию социальной работы по профилактике насилия в школьной среде.

Детей, подвергшихся насилию в школьной среде, можно охарактеризовать как наиболее уязвимую группу, которая в силу сложившихся обстоятельств нуждается в социальной помощи и социальной поддержке. Насилие в школьной среде – это вид насилия, при котором имеет место принуждение, применение силы между детьми или учителями по отношению к ученикам. Предотвращение случаев школьного насилия является важнейшей задачей государства, поскольку жестокое отношение к ребёнку неминуемо приводит к негативным последствиям. Наряду с явными и вербализованными формами агрессии нередки случаи ее скрытых и

тщательно замаскированных проявлений, часто ускользающих от внимания. Социальная работа по профилактике насилия в школьной среде является залогом успешной социализации детей, подвергшихся насилию.

В процессе определения содержания социальной работы по профилактике насилия в школьной среде мы выделили два основных направления: работа с потенциальными агрессорами (педагоги, родители, школьники) и работа с потенциальными жертвами (дети). Третьим важным направлением является деятельность по формированию комфортной психоэмоциональной среды образовательного учреждения, которая включает систему взаимоотношений между всеми субъектами образовательного процесса. Особенностью процесса по профилактике насилия в школьной среде является вовлечение ребенка в продуктивную социальную деятельность, которая позволяет развивать ребенка, тем самым повышая его самооценку и уверенность в своих силах и возможностях. Несмотря на имеющиеся фрагменты социальной защиты и помощи жертвам насилия в школьной среде, в нашей стране система по предотвращению насилия в целом пока не сформирована.

Для разработки и апробирования технологии по профилактике насильственного отношения к подросткам мы провели анонимное анкетирование учащихся на базе общеобразовательного учреждения г. Майкопа.

Анонимное анкетирование учащихся выбранного нами общеобразовательного учреждения преследовало следующие цели:

- установить факт присутствия насилия в школьной среде по отношению к учащимся различных возрастных групп и к основным формам насилия (физическое, психическое и экономическое);
- выявить преобладающие виды насилия для учащихся различных возрастных групп в разных образовательных учреждениях;
- выявить наиболее часто встречающихся агрессоров в школьной среде (родители, преподаватели, одноклассники, другие люди).

Для проведения анонимного анкетирования мы разработали специальный бланк опроса «Имели ли место быть случаи насилия?».

Например, родители избивают ученика из-за плохих оценок в школе, следовательно, необходимо поставить знак «+» в графе «физическое насилие» напротив строки «родители». Одноклассники систематически дразнят ребенка обидной кличкой, выставляют его в неприглядном виде, угрожают ему в случае попыток противостоять такому давлению – следует сделать отметку «+» в графе «психическое насилие» напротив строки «одноклассники».

По итогам опроса мы получили следующие результаты: всего было опрошено 66 учащихся старшей школы, из них 83% (55 чел.) испытывали различные формы насилия. Физическое насилие испытывали 45 чел. (82%):

от сверстников – 100%; от родителей – 33%; от учителей – 33%; от других людей – 44%. Психологическое насилие испытали – 58% (32 чел.); экономическое насилие – 91% (50 чел.).

В результате опроса старшеклассники в отношениях с родителями выделили сочетание психологического и экономического насилия. Данное сочетание обусловлено тем, что родители или отказывают детям в удовлетворении их возросших потребностей, или увязывают экономические возможности детей с их успехами в учебной деятельности или с выполнением каких-то обязанностей по дому. В индивидуальных беседах с отдельными школьниками, педагогами и узкими специалистами (социальным педагогом и педагогом-психологом) мы выяснили, что:

- дети, наблюдая и испытывая насилие, переживают злобу, страх, ненависть и ужас – самые сильные эмоции, которые может испытывать человек;

- переживаниями, связанными с насилием, учащиеся делятся, в первую очередь, с очень близкими друзьями, а затем уже с близкими родственниками;

- учителям доверяют лишь 3% детей, что, на наш взгляд, свидетельствует не только о фактах проявления насилия в школьной среде, но и о недоверии учащихся педагогам в их готовности не допускать факты насилия;

- к специалистам (педагогам-психологам, социальным педагогам, врачам, инспекторам по защите прав детства и инспекторам по делам несовершеннолетних) дети не обращались.

Таким образом, проведенное исследование, посредством анкетирования учащихся в общеобразовательном учреждении, подтвердило необходимость разработки технологии социальной работы по профилактике насилия в школьной среде. Данная технология могла бы позволить всем участникам образовательного процесса получить знания и умения, необходимые для предотвращения ситуаций риска насилия, а также навыки позитивного взаимодействия в конфликтных ситуациях. Всего этого можно было бы достичь через содействие администрации и педагогическому коллективу образовательного учреждения в создании позитивной социальной ситуации развития, соответствующей индивидуальности каждого ребенка и обеспечивающей охрану и укрепление физического и психического здоровья школьников. Не стоит забывать и о помощи родителям в воспитании школьников, а также в формировании у них принципов взаимопомощи, толерантности, милосердия, ответственности и уверенности в себе.

Сущность технологии социальной работы по профилактике насилия в школьной среде заключается в диагностике психоэмоциональной среды и мотивационно-образовательной работе с администрацией. Особое значение придается консультативно-образовательной работе с педагогическими

кадрами, родителями, а также информационно-образовательной работе с детьми. Помимо этого, отдельно должна вестись консультативно-коррекционная работа с детьми, подвергшимися жестокому обращению. Также профилактике насилия в школьной среде способствует организация мероприятий, направленных на сплочение школьного сообщества.

В условиях ломки устоявшихся ценностей и традиций проблема насильственного отношения к подросткам в современной школьной среде становится чрезвычайно актуальной, поскольку школа является не только образовательным учреждением, но и зеркальным отражением общества. Проведенное нами исследование показало, что большинство учащихся в школе подвергаются различным формам насилия: от психологического до физического. Причем акторами насилия выступают не только сверстники, но и преподаватели, и даже родители. Решить эту проблему можно с помощью социальной работы по профилактике насилия в школьной среде, которая требует многосторонних действий с привлечением всех членов школьного сообщества. Родители, социальные работники, представители органов власти и общественных организаций должны действовать рука об руку с учащимися, учителями и руководством школы.

Литература

Беличева, С.А. (1994). *Основы превентивной психологии*. М. Ред.-изд. центр консорциума «Социал. здоровье России».

Румянцева, Т.Г. (1991). Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии. *Вопросы психологии*. №1. С. 81–88.

Фурманова, И.А. (2001). Насилие над детьми и взрослыми: сходство и различия психологических последствий. *Теоретические и прикладные аспекты кризисной психологии*. Минск. С. 150–158.

Фурманова, И.А. (2004) *Психология депривированного ребенка: пособие для психологов и педагогов*. М. Гуманитар. изд. центр Владос.

Хохлова, Е.А. (2003). *Предупреждение конфликтных ситуаций во взаимодействии учителей, учеников и родителей*. Новосибирск.

ТРАДИЦИЯ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ: О БОЛОНСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ОТКАЗЕ ОТ НЕЕ

Заседателяева Е.И.

СИУ РАНХИГС, г. Новосибирск

e.zasedatel@mail.ru

Традиционно считается, что советское образование было одним из лучших в мире. Еще в 1957 году Джон Кеннеди в «Специальном послании Конгрессу об образовании» сказал, что «улучшение образования необходимо для развития нашей страны, независимо от того, что делают другие», сделав особый акцент на системе высшего образования СССР и уточнив, что «Советы поддерживают ежегодный приток научно-технических кадров более чем в два раза превышающий наш» [Кеннеди, 1963].

Советская педагогическая традиция, берущая свое начало от А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского, предполагала ряд базовых целей, которые можно было применить к каждому воспитаннику [Зайцев, 2018, с. 28]. Основной акцент в ней был сделан на уважении к личности ребенка, творческом и нравственном воспитании. Все эти принципы в сочетании с широкой школьной программой позволяли каждому учащемуся получить универсальный набор знаний. Более того советская школьная система образования, дававшая основные навыки по различным дисциплинам, а также система профессионально-технических, средне-специальных и высших учебных заведений, – все это позволяло человеку выбирать свой уровень знаний, который был актуален именно ему. Согласно принципам советской педагогической системы по окончании учебного заведения, вне зависимости от выбранной специальности, основополагающие знания, навыки и умения все равно оставались у выпускника.

Стремление к признанию российских дипломов за рубежом привело к тому, что с 19 сентября 2003 года в нашей стране началось внедрение Болонской системы образования. Сперва в виде эксперимента, к 2011 году она распространилась на большинство университетских специальностей, перешедших на двухуровневую систему в виде бакалавриата и магистратуры. Специалитет сохранился лишь на избранных специальностях, таких как лечебное дело, педиатрия, фармация, фундаментальная и прикладная химия, правовое обеспечение национальной безопасности, экономическая безопасность, психология служебной деятельности. Однако сложная ситуация в мире, связанная с русофобией, привела к обсуждению вопроса отказа от Болонской системы [Воробьева].

Таким образом, система российского высшего образования вновь сталкивается с кризисом и необходимостью перемен. Сперва, при переходе

на Болонскую систему образования, были «урезаны» часы при перекройке программ специалитетов на бакалавриат, а сейчас возникает следующий вопрос: как перевести программы бакалавриата обратно на специалитет. Разумеется, увеличение количества часов поможет в решении данной ситуации, однако полного возвращения к прежним программам ожидать не стоит.

В результате отказа от Болонской системы образования появляется ряд проблем. Одна из наиболее актуальных из них – уравнивание образования бакалавра и специалиста, чтобы бакалавры не остались навечно людьми с «недовысшим» образованием, как это уже считалось на более ранних этапах. [Сенашенко, 2011, с. 78]. Возможно, стоит оставить на некоторое время магистратуру, чтобы бакалавры могли доучиться. Еще одним из выходов может быть перевод студентов бакалавриата на программы специалитета, особенно если речь идет о студентах младших курсов.

Следующей проблемой является резкое ограничение мировой академической мобильности студентов и возможности временно обучаться за рубежом. Научный сотрудник центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге А. Железнов полагает, что отказ от Болонской системы приведет к тому, что мировая мобильность студентов, проявляющаяся в возможности поучиться в другой стране, будет разрушена [Воробьева]. Однако, с учетом сложной внешнеполитической ситуации данный вопрос стоит считать риторическим, так как наоборот, весной 2022 года начало расти количество заявлений о переводе российских студентов из европейских вузов в Россию [Агранович], а Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин подписал приказ, согласно которому студенты, бесосновательно отчисленные из европейских университетов, смогут бесплатно продолжить свою учебу в российских вузах¹. Вряд ли в данной ситуации возможен переход студентов даже на временную учебу за рубежом. Кроме того, обучение возможно и вне рамок Болонской системы.

Третья проблема, связанная с двухуровневой системой образования и отказом от нее, базируется на получении второй профессии в сжатые сроки (после обучения в магистратуре) и невозможности этого после возвращения к специалитету. В последние годы распространилась тенденция получения образования в магистратуре не по своему направлению. С одной стороны, это безусловный плюс – можно всего лишь за два года (на заочном – два с половиной) освоить новую специальность. С другой стороны, магистратура предполагает знание базовых положений изучаемой сферы для дальнейшей

¹ Постановление Правительства РФ «Об утверждении особенностей приема на обучение по образовательным программам высшего образования, имеющим государственную аккредитацию, программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в 2022 году» от 21 марта 2022 г. №434. Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/141257/> (дата обращения: 18.09.2022).

научной деятельности, поэтому обучение в магистратуре без должного уровня знаний может быть весьма проблематичным. Зачастую отсутствие должного уровня знаний приводит к имитации обучения с целью получения диплома. Прежняя система, позволявшая освоить второе высшее образование за 3–3,5 года, была несколько протяженнее по времени, но позволяла освоить нужную специальность с нуля, а не углубляться в науку, не имея базы. Кроме того, ряд работодателей не воспринимает всерьез выпускника магистратуры, имеющего иное базовое образование, полагая, что за 2–2,5 года невозможно освоить новую профессию [Самтынова].

Разумеется, сейчас есть и другие способы получить профессию за считанные месяцы – курсы переподготовки, в том числе и дистанционные. На базе высшего или среднего специального образования можно освоить многие специальности, получив о них общее представление. Конечно, не все работодатели признают подобные дипломы, однако они остаются одним из способов освоить новую специальность, не получая второе высшее образование и не поступая в магистратуру.

Таким образом, можно сделать вывод, что постоянная изменчивость российского образования не идет ему на пользу. Сначала сломав одно, а затем и другое, можно добиться только ухудшения качества образования, в лучшем случае – временного. Однако отказ от Болонской системы дает надежду на то, что российское образование сможет вновь стать одним из лучших в мире несмотря на то, что отличаться от образования в других странах.

Литература

Агранович, М. Более тысячи россиян решили перевестись в вузы РФ из зарубежных университетов. *Rg.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/21/bole-tysiachi-rossiian-reshili-perevestis-v-vuzy-rf-iz-zarubezhnyh-universitetov.html> (дата обращения: 18.09.2022).

Воробьева, Ю. Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснётся. *Rbc.ru* [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 18.09.2022).

Зайцев, В.С. (2018) *Высшая педагогика: система воспитания А.С. Макаренко: учебное пособие*. Челябинск: Издательство ЗАО «Библиотека А. Миллера».

Кеннеди, Дж.Ф. (1963) *Special Message to the Congress on Education*. *Presidency.ucsb.edu* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-education> (дата обращения: 18.09.2022).

Самтынова, Е. Уточнены квалификационные требования к кандидатам в прокуроры. *garant.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1325945/> (дата обращения: 18.09.2022).

Сенашенко В.С. (2011) О проблемах и трудностях становления бакалавриата в структуре высшего профессионального образования. *Высшее образование в России*. № 12. С. 77-84.

СИМВОЛЫ НАУЧНОГО УСПЕХА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.М. Лбова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
kate.lbova@gmail.com

Наша жизнь наполнена символами, имеющими как материальную, так и идеальную природу [Кассирер, 2001, с. 14]. Являясь частью культуры, они помогают нам коммуницировать и проявлять себя во всех сферах общественной жизни, в том числе и в профессиональной научной среде. При этом символ – достаточно широкое понятие, включающее в себя различные элементы кода культуры: слова, жесты, изображения, одежду, цвет и т.д. В рамках рассматриваемой темы символы отождествляются с определенными признаками и критериями научного успеха, принятыми в современной российской научной среде, в числе которых можно выделить:

- высокие наукометрические показатели (наличие публикаций в рейтинговых журналах; высокий индекс цитируемости);
- наличие грантов и дополнительного внебюджетного финансирования;
- работа в престижном вузе или научном институте;
- возрастные преимущества (молодой кандидат наук до 35 лет, молодой доктор наук до 40 лет);
- приближенность к власти;
- соответствие темы исследования приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации.

Данные символы обусловлены современной российской научной политикой, направленной на соответствие «стандартам» западного общества, в рамках которых наука предстает как разновидность рыночных отношений [Цветкова, Иванова, 2020, с. 184]. В этой системе, в России, научные институты и ученые являются производителями научного знания, а основным потребителем – государство, финансирующее большую часть исследований. Согласно данным Высшей школы экономики 66,3 % внутренних затрат на исследования и разработки выделяются в основном из федерального бюджета [Салтанова]. Для отечественной науки эта ситуация привычна. Если сопоставить современные признаки успешности ученого с критериями, существовавшими в советской науке, то можно обнаружить целый ряд совпадений. В СССР, также как и сейчас, близость к власти и участие в проектах, связанных с решением приоритетных стратегических задач, во многом определяли карьеру исследователя. Однако были и различия. К примеру, профессия ученого, благодаря грамотной культурной политике, считалась престижной и уважаемой в обществе. Для обеспечения

эффективной работы, большое внимание уделялось мерам социальной поддержки научных сотрудников. Примером этому служит история новосибирского Академгородка, в котором ученым гарантировалось жилье и особое товарное снабжение [Кузнецов, 2011, с. 90]. Так, в СССР создавались уникальные условия, в которых исследователь мог посвятить себя решению волнующей лично его, научной проблемы, что влияло и на прогресс советской науки в целом. Эта особенность, а именно приоритетное внимание к поиску истины, была одним из главных составляющих научного успеха.

С начала 1990-х гг. нормы советского научного этиosa подменяются новыми ценностями и символами, насаждаемыми бюрократами. При оценке деятельности современного российского ученого на первый план выступают формальные показатели, такие как количество опубликованных статей или индексе цитирования. Зависимость российской науки от государства создает ситуацию, при которой критерии успешности спускаются сверху. По этой причине наукометрические показатели превалируют над всеми остальными критериями оценки эффективности исследователей. Несмотря на то, что в последнее время в научной политике происходят изменения, при которых основное внимание смещается в сторону установления технологического суверенитета Российской Федерации, наличие публикаций в рейтинговых журналах остается одним из главных символов успеха.

Проведенное нами сравнение российских и советских критериев научного успеха показывает, что основная проблема современных символов в том, что они продолжают формироваться не самим научным сообществом, а исходят от чиновников. И если в условиях научной политики СССР внутренняя мотивация исследователя на поиск истины совпадала с пропагандируемыми ценностями, то в нынешней системе основной акцент делается на высоких рейтингах и умении находить дополнительное финансирование. Помимо этого, реформирование РАН в 2013 г. привело к разрушению уже устоявшегося научного этиosa и даже к расколу среди ученых усугубившему, наметившееся за последние тридцать лет разделение внутри профессиональной среды на «ученых-менеджеров», «ученых-чиновников» и «ученых-исследователей». Возможно, обозначившиеся тенденции на популяризацию науки и развитие научного волонтерства, позволят сформировать новые символы научного успеха, которые станут естественным результатом коммуникации между российским обществом и учеными.

Литература

1. Кассирер, Э. (2001). Философия символических форм. Том 1. Язык М.; СПб.: Университетская книга.

2. Кузнецов, И. С. (2011). Создание новосибирского Академгородка в контексте «мобилизационной модели». Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 10: История. С. 86–91.

3. Цветкова, И. В., Иванова, Т. Н. (2020). Функции символов в традиционной и в современной культуре. *Вестник ТвГУ. Серия "ФИЛОСОФИЯ"*. No 1 (51). С. 180 – 189.

4. Салтанова, С. В. (2021). Наука России в 10 цифрах. *Институт статистических исследований и экономики знаний*. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/442044357.html> (дата обращения 30.09.2022).

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А.Ю. Лосинская

ФГБОУ ВО Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень

Цивилизационные перспективы России как один из аспектов установления ее места в мире были предметом интереса уже полтора века тому назад. Как только под понятие цивилизации попала не только стадия культурного развития, характеризующаяся специфичным способом производства материальных благ и следующими из него достижениями в материальной и духовной деятельности – но и локальный способ организации общественных процессов, конституирующий определенное культурное развитие. В терминологии Н.Я Данилевского это явление названо «культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации» – то есть понятие «цивилизация» как результат развития культуры применено Данилевским не только к европейскому, технологическому типу, но и к любому другому. Таким образом, цивилизация понята как итог деятельности больших человеческих сообществ, имеющий общемировое культурное значение, обладающий при этом специфической, характерной только для него системой ценностей и норм.

Выделяя в этом многообразии «славянский культурно-исторический тип», группирующийся вокруг России, Н.Я. Данилевский находит его уникальность в следующем. Из четырех возможных деятельностных основ, – религии, культуры, политики и общественно-экономического строя, – славянские народы не предпочли ни одной, не достигли ни в одной из них большего успеха, нежели другие народы. Однако в каждой из них славяне преуспели равно, так, что достижения славянских народов достойны статуса общекультурных достижений. Кроме того, по утверждению Данилевского, это означает способность создать наиболее гармоничную «четырёхосновную» цивилизацию, в которой ни одна из сторон деятельности не будет ограничивать другие и довлеть над ними.

К идее «многополюсного и полицивилизационного» мира возвращается С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» – труд посвящен геополитике, которая, по словам автора, непредставима без геоэкономики и геокультуры. Именно культурная идентичность в мире, начиная с конца прошлого века, становится определяющей. И в поисках оснований для этой идентичности Хантингтон приходит к парадоксальному выводу: культурную идентичность редуцирует к религиозной, поскольку она усваивается в детстве на дорефлексивном уровне мировосприятия, и рационализации не подлежит. В этом автор видит резерв, возможность складывания новой картины мира – но в этом же ее ужас, коренящийся в неизбежности и неустранимости конфликта. А поскольку основания

конфликта иррациональны – рациональных методов его разрешения Хантингтон тоже не усматривает.

В полемику с Хантингтоном тут же вступает Сергей Переслегин, автор послесловия к русскому изданию «Столкновения цивилизаций». В его концепции цивилизационная позиция любого из обществ, осознающих (и даже не осознающих) свой цивилизационный выбор, представляет собой ничто иное как «способ взаимодействия носителей разума с окружающей средой». То есть, при всей своей эмоционально-аффективной природе, вполне поддается рационализации как совокупность рамочных принципов взаимодействия. В своей основе эта совокупность имеет четыре вектора «дихотомических разложений»: время – пространство, личность – масса, рациональное – трансцендентное, материальное – духовное. Стороны каждого из этих «разложений» связаны некоторым аналогом принципа неопределенности В. Гейзенберга и не могут быть совмещены в рамках одной психики. Во всяком случае, на уровне современной структуры высшей нервной деятельности человека. В этой инфопсихологической модели сформированы три исторически сложившиеся вариации из 16 возможных. Евроатлантическая цивилизация, охватывающая Европу, обе Америки и Австралию – времяориентированная, т.е. отвечающая принципу развития, индивидуалистичная, рациональная, материалистичная. Восточная цивилизация (Китай, Индия, Япония, Юго-Восточная Азия) – пространственноориентированная, т.е. отвечающая принципу соответствия, коллективистская, духовная. С определением по вектору рациональности здесь сложно, поскольку рациональный конфуцианский Китай находится в суперпозиции к трансцендентной буддистской Индии, – да и в самом Китае конфуцианство вполне мирно уживается в трансцендентными буддизмом и даосизмом. По равнодействующей, наверное, восточная цивилизация приближается к трансцендентной. Потому, считает С.Б. Переслегин, между Западом и Востоком все конфликты в основном улажены – ментальное и ценностное пространство распределено. А третья цивилизация, – Афразийская, или Исламская, – находится в постоянном конфликте с евроатлантической, поскольку в большинстве параметров подобна ей: времяориентирована, рациональна, материалистична – и лишь общинная ориентация сближает ее с восточной, и служит источником конфликтов на этом направлении. Культуры в рамках одной цивилизации могут отличаться друг от друга, по-своему интерпретируя эти рамочные принципы, однако в основном разделяя их.

В этой системе тоже Россия отсутствует, поскольку ей Переслегин отводит четвертое, не до конца сформированное геополитическое пространство. Находясь на пересечении векторов трех названных цивилизаций, Россия выступает «переводчиком», транслятором смыслов, медиатором – однако эти роли не до конца объясняют ее собственные

основания идентичности. А они есть, так как центробежная сила каждого из векторов, как правило, не учитывает средневзвешенных значений. Системная иерархия «плана людей», взаимодействующего с «планом вещей» и «планом идей» в мета-онтологической модели, построена от начала до конца: человек – семья – этнос – государство – человечество. Практически же «ни одна цивилизация не оперирует отдельными людьми или, напротив, всем человечеством». Различаются три основных структурных уровня разной степени организованности. Полис, – самоуправляющаяся и самообеспечивающаяся община, состоящая из ограниченного числа личностей-граждан. Ограниченного естественными факторами – количеством людей, которых можно собрать на центральной площади. Полис открыт, демократичен, рационален и поддерживает принцип развития. Альтернативная структура – Номос, для которого характерно единство физических законов (законов природы), социальных законов (права) и трансцендентных (воли богов). Жизнь в общественных системах Номоса регулируется одним структурообразующим процессом, различие между природой, обществом и божеством не проводится. Номос замкнут в пространстве и ограничен во времени. Космос – наиболее сложный иерархический уровень, объединяющий в общую структуру разнородные государства и области, управляемые разными смысловыми, правовыми, религиозными системами. Такая сложность неизбежно порождает развитую бюрократию, переводящую мета-закон в управленческие решения.

От полиса к космосу развивается в современности Евroatлантическая цивилизация – хотя внутри нее есть отклонения в сторону всепоглощающего юридического закона (легоса), божественного (теоса) или природно-механистического закона (техноса). Эта цивилизация построена на основе Полиса, восточная цивилизация – на основе Номоса, южная (Афразийская) – Номоса, овладевающего уровнем Космоса. Таким образом, различаются они господствующей архетипической иерархией. Для Запада начальной и конечной точкой маршрутизации является человек, личность; направление мета-онтологического обращения рационально: «онтодеятельность предшествует мыследеятельности, а последняя социодеятельности». Иными словами, бытие предшествует и предпослано сознанию, а сознание – общественной деятельности. Мир вещей (артефактов) организует мир идей (смыслов), а уж идеи организуют мир людей (социосистем). Для Востока направление так же рационально, но маршрутизация начинается от мира людей – к миру идей – и лишь затем к миру вещей: социум порождает идею, которая организуется в вещах. Хотя, возможно, рациональное направление движения – дань влиянию китайской (конфуцианской) системы, индo-буддийская культура полна трансцендентных устремлений. А культуры суть страты внутри цивилизаций, различные по своим убеждениям и формам их выражения – но связанные общими рамочными принципами. И с этой точки

зрения цивилизация Востока, при всем ее внутреннем разнообразии, преимущественно рациональна. Цивилизация Юга (исламская по конфессиональным детерминантам) – аналогична ей.

Россия же, Евразийская цивилизация, имеет отличное от других основание для маршрутизации, поскольку основывается не на индивидуальном субъекте, как Евроатлантическая, и не на коллективном, как Восточная. Субъект этой цивилизационной идентичности – домен, т.е. группа от нескольких десятков до нескольких сотен людей, связанных личными отношениями. При этом по вектору рациональности-трансцендентности к российский менталитет ближе ко второму. Таким образом, цивилизационная стратегия России отличается от всего ранее определенного. Поэтому в России «не работает» ни демократия как консенсус индивидуальных волеизъявлений, по евроатлантическому образцу – ни централизация на основе общей этической системы по китайскому. Однако аналитический подход, предложенный С.Б. Переслегиным, может помочь разобраться в системе цивилизационных представлений и определить в ней место России.

ТАКАЯ ЛИ УЖ «НОВАЯ ЭТИКА» НОВАЯ? К ЗОНТИЧНОСТИ КОНЦЕПТА «НОВОЙ ЭТИКИ» И ЕЁ ОСМЫСЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФЕМИНИСТКОЙ ЭТИКИ ЗАБОТЫ

А. Ю. Морозова

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
im.antonina.morozova@gmail.com

Сейчас понятие «новая этика» всё чаще стало всплывать в российском медиапространстве, а также обросло по большей части негативными коннотациями. Однако этот термин, мимикрируя под философский концепт, используется в основном в публицистике [Коваль, Сычев, 2021], в то время как в философском дискурсе его рассматривают не очень детально, ограничиваясь спорами между согласными и несогласными и не анализируя при этом «новую этику» как этическую систему. До сих пор непонятно, что конкретно понимается под «новой этикой», откуда берётся, какую этическую систему конструирует и в чём является «новой». Через краткий анализ словоупотребления этого термина в русскоязычном и «западном» социально-культурных пространствах [Россман, 2020] и его значения с точки зрения этики и моральной философии [Левина, Левин, Кузнецов, 2021; Коваль, Сычев, 2021] автор пробует ответить на эти вопросы, а через рассмотрение одного из ключевых концептов «новой этики» – инклюзии – выяснить, в чём феминистская этика заботы является частью парадигмы «новой этики», а в чём – реконцептуализацией классических этических систем.

При проблематизации недавно возникшего и до конца не прояснённого термина «новая этика», во-первых, отмечается его смысловая амбивалентность: его словоупотребление и коннотации разнятся не только хронологически и в связи с культурным трансфером, но и в рамках одной социокультурной среды. Например, если говорить про российский дискурс, проponentы «новой этики» отмечают, что она благоприятна и прямо вытекает из давно взятого курса на равенство всех людей, а её оппоненты опасаются, что постулируемые ею излишняя толерантность вкупе с нетерпимостью к несогласным с ними, а также другие «нетрадиционные» ценности пагубно сказываются на общественной морали.

Во-вторых, доказывается зонтичность термина «новая этика». При попытке перечислить те проблемы, которыми занимается «новая этика», у нас получился довольно большой список из таких же смыслово нагруженных концепций: культура отмены, харрасмент, рефлексия уязвимости, терапевтический поворот, инклюзивность, политика идентичности, новые формы романтических отношений и партнёрств, разные формы

дискриминации и угнетения, толерантность, абьюз, буллинг, менсплейнинг [Горшенина, Слуцкая, Тегаева, 2022; Россман, 2020; Коваль, Сычев, 2021]. При этом российский «словарь» «новой этики» пока большей частью состоит из англицизмов, которые плохо переводятся и не всегда применимы к нашим реалиям и культуре. Таким образом, термин «новая этика» довольно расплывчат, потому как постоянно переизобретается в новых контекстах, так что чёткого и универсального определения у него нет и пока его невозможно унифицировать или свести к общему знаменателю.

В-третьих, проблематизируется теоретическая «новизна» «новой этики» в морально-этической философии. При разборе одной из её «составляющих» – инклюзии – было показано, что в действительности те проблемы, которые волнуют «новую этику», не так уж новы в философском дискурсе [Коваль, Сычев, 2021; Горшенина, Слуцкая, Тегаева, 2022]. Например, в феминистской этике заботы артикулируются характерные для «новой этики» понятия дискриминации, угнетения, зависимости, уязвимости, толерантности и инклюзии. Более того, сама этика заботы не является изобретением конца XX века, а скорее продолжением ранее оформившейся общефилософской тенденции к пересмотру этики в контексте провозглашённого Декларацией прав человека равенства всех людей [Артемьева, 2000; Sander-Staudt, n.d.; Dodds, 2013; Held, 2006]. Отсюда следует, что «новая этика» в XXI веке отнюдь не возникла, а была скорее вынесена в публичное поле.

Таким образом, пока «новая этика» является лишь логичным продолжением критической и феминистской теории XX в., но обостряет намеченные ранее проблемы и служит «мощным триггером социального нормотворчества» [Коваль, Сычев, 2021]. Может, со временем эта концепция конкретизируется и разовьёт необходимый теоретико-прикладной аппарат для разрешения тех дилемм, с которыми не справились предыдущие морально-этические системы.

Литература

Артемьева, О.В. (2000). Этика заботы: Феминистская альтернатива классической философии. *Этическая мысль | Ethical Thought*. №1. С. 195–215.

Всеобщая декларация прав человека (1948). *Генеральная ассамблея ООН* [Электронный ресурс]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=120805&dst=100002%2C-1&date=30.05.2022> (дата обращения: 20.05.2022).

Горшенина, Н., Слуцкая, Ю., Тегаева, К. (2022). Открытый вопрос: Гайд по миру «новой этики». *Litres* [Электронный ресурс]. URL: <http://mmbook-hse.ru/books/41/>.

Коваль, Е.А., Сычев, А.А. (2021). «Новая этика»: Нормотворческие перспективы. *Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма*. Сб. тр. междунар. научн. конф. Отв. ред. И.Д. Невважай. Саратов. С. 335-344).

Левина, Т., Левин, С., Кузнецов, А. (2021). Что такое новая этика? *Syg.Ma* [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@nieiskusstviennyi-intielliekt/chto-takoie-novaia-etika>.

Логинов, Е.В., Гаврилов, М.В., Мерцалов, А.В., Юнусов, А.Т. (2021). Этика и метафизика моральной ответственности. *Этическая мысль | Ethical Thought*. №2 (21). С. 5-17.

Росман, Э. (2020). Как придумали «новую этику»: Фрагмент из истории понятий. *Syg.Ma*. [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@ella-rossman/kak-pridumali-novuiu-etiku-fraghment-iz-istorii-poniati>.

Созаев, В. (2012). *Россия XXI: культурная война на почве традиционалистского реваншизма. Положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров в Российской Федерации. Последняя четверть 2011 – Первая половина 2012*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mhg.ru/sites/default/files/files/lgbt2012rus.pdf>

Что такое интерсекциональность как социологическая теория? (б. д.). РФО «ОНА». [Электронный ресурс]. URL: <https://ona.org.ru/post/116593812133/intersectionality> (дата обращения: 20.09.2022).

Dodds, S. (2013). Dependence, Care, and Vulnerability. In C. Mackenzie, W. Rogers, S. Dodds (Eds.) *Vulnerability: New Essays in Ethics and Feminist Philosophy*. Oxford University Press. P. 181-203.

Held, V. (2006). *The Ethics of Care: Personal, Political, and Global*. Oxford University Press.

Hunter, J.D. (1992). *Culture Wars: The Struggle To Control The Family, Art, Education, Law, And Politics In America* (Reprint). [Электронный ресурс]. URL: <http://gen.lib.rus.ec/book/index.php?md5=8785B45E9B0E8FA37B3442C960E50AFE>.

Kulturkampf. (б. д.). *CATHOLIC ENCYCLOPEDIA*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newadvent.org/cathen/08703b.htm> (дата обращения: 20.09.2022).

Sander-Staudt, M. (б. д.). Care Ethics. *Internet Encyclopedia of Philosophy*. [Электронный ресурс]. URL: <https://iep.utm.edu/care-ethics/>.

The E Pluribus Unum Project (б. д.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.assumption.edu/ahc/1920s/>.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КАК МЕХАНИЗМЫ ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ)

И.В. Котляров

Институт парламентаризма и предпринимательства,
Республика Беларусь, г. Минск
kotlarov2018@tut.by

В.И. Надольская

Институт государственной службы Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск
victoria.nadolskaya@yandex.by

В данной статье культурный код рассматривается как механизм сохранения духовно-нравственной преемственности и этнокультурной идентичности, способствующий единению народов и наций в условиях цветных революций и возрождения национализма, формирования нравственности и совершенствования интеграционных процессов в условиях исторического разлома, обеспечения защиты культурных ценностей от маргинализации, разрушающей традиционные связи и формы цивилизационного взаимодействия.

В современной социальной реальности происходит битва не только интеллекта и финансов, технических возможностей и технологических решений, но, прежде всего, ценностей и мировоззрений, поведения и моральных оснований, смерти и вечности, любви и ненависти, свободы и произвола. Цивилизация оказалась на краю пропасти, в «кризисе кризисов», затрагивающем не только все аспекты бытия, но и прежде всего, культуру как основополагающий социорегулятивный механизм, как комплекс нормативов человеческого сознания и социального поведения, как источник духовного и нравственного здоровья народов, наций и государств.

Необходим переход на новый мировоззренческий уровень понимания существующих проблем. Императивом выживания и совершенствования цивилизации должна стать новая парадигма развития человечества. Такой моделью может стать теория цивилизационного кодирования, направленная на создание концепций, отражающих свойства нынешней и будущей культурных реальностей. В основе данной теории находится идея философского осмысления и получения новых знаний о воздействии культуры на формирование социумов и обществ, выражения их в виде специфических кодов, создания парадигмы их цивилизационного развития [Котляров, 2022, с. 58; Котляров, Надольская, 2021, с. 66].

Коды как модели формирования конкретных сообщений, представляют собой совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-

культурного и темпорального пространства, в концентрированном виде фиксируют и транслируют содержание ценностей и смыслов, получивших вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры и влияющих на развитие индивидов и социумов на всех уровнях цивилизационного развития [Котляров, 2022, с. 58].

Особое значение в жизни человечества имеет культурный код. Индивид рождается, развивается и становится человеком только в культурном пространстве. Культура – это система ценностей, регулирующая жизнедеятельность личности, ее воспитание и образование, духовность и нравственность.

Понятие «культурный код» – очень сложное и противоречивое. Подходы к его пониманию можно найти во многих работах, специфика которых детерминирована взглядами и предпочтениями конкретных ученых. В своих работах многие современные исследователи чаще всего рассматривают культурный код с нескольких позиций: структуралистской, онтологической, гносеологической, аксиологической и антропологической, семиотической.

В соответствии со структуралистским подходом культурный код – это структура, представленная в виде модели и выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений [Эко, 2004, с. 89].

С онтологической точки зрения, культурный код предстает в качестве универсальной категории бытия и неразрывно связан с культурной средой, которую можно определить как внутренне неразрывно взаимосвязанную, самоценную систему содержательных и аксиологических универсалий [Букина, 2010, с. 133; Букина, 2008, с. 71].

С гносеологической точки зрения, культурный код можно понимать как средство познания окружающей действительности, производства, трансфера, хранения и переработки социально значимой информации [Картавцев, 2011, с. 86].

При аксиологическом подходе культурные коды понимаются как ценностно-значимые структуры, как совокупность материальных и духовных ценностей, сложная иерархия идеалов и смыслов [Маслова, 2016, с. 90].

Антропологический подход определяет культурный код через субъективный фактор, благодаря которому он становится индивидуальной матрицей для каждого человека [Букина, 2010, с. 134; Изотова, 2020].

Семиотический подход предполагает исследование исходной знаковой структуры, содержащей в непроявленном виде компоненты культурной парадигмы народа, его мышления и поведения [Степанова, 2012, с. 134; Изотова, 2020].

В основных концепциях культурного кода отчетливо выражено то, что культура эффективно влияет на развитие технико-технологических и

социальных, экономических и политических процессов. Мы пытаемся показать это более рельефно с помощью понимания культурного кода как социально-философского феномена, причем впервые в научной литературе. По нашему мнению, культурный код – это сложившийся и закрепившийся в сознании людей набор культурных ценностей и смыслов, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов и правил хранения исторической памяти, поведенческих форматов и знаний, благодаря которым культура и социальный опыт, умения и навыки регулируют взаимодействие людей в повседневной деятельности, создают комплекс ролей и статусов, способных стать основой для развития культурных отношений и передачи от поколения к поколению. Это множественность ценностных ориентаций, предпочтений и установок культуры, сохраняющих внутреннее единство и детерминирующих дальнейшее развитие цивилизаций, уникальные культурные особенности народов, традиционно укоренившиеся в сознании на протяжении длительного исторического времени [Котляров, 2022, с. 58]. Основной функцией культурного кода является создание и усвоение, хранение и трансфер социально значимой информации. Культурный код формируется в прошлом, хранит его достижения, движется через настоящее к будущему и детерминирует его формирование. Он является скрепом социумов и народов, обществ и государств, их онтологическим основанием.

Культурный код, являясь отражением цивилизационной ментальности, представляет конгломерат политических и философских, культурных и социальных, религиозных и этических, этимологических и синонимических, исторических и других представлений. В нем закреплены важнейшие компоненты национального самосознания и культуры народов, его национальный дух, народность и ментальность, жизнь народа, их прошлое, настоящее и будущее, социокультурные практики взаимодействия и знания [Котляров, 2022, с. 58; Котляров, Надольская, 2021, с. 66].

Одним из важнейших компонентов культурных кодов является язык, который много веков передается от одних поколений другим, тем самым связывая народ в одно целое. Мощнее и прочнее связей, чем в языке, в современном обществе нет. Язык – это неразрушимый и несокрушимый ресурс народов, в котором содержатся огромные ценности, выработанные прошлыми поколениями – знания о человеке и природе, истории и культуре предков, об уникальных методах и технологиях творческой переработки информации, превращении ее в духовные ценности [Котляров, 2022, с. 58; Котляров, Надольская, 2021, с. 66].

В основе любого культурного кода находятся духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности как системы координат человеческой культуры, как ориентиры, которые детерминируют смысловое поле жизни людей, социальные и цивилизационные, национальные и

мотивационные, конфессиональные и сакральные, интегративные и другие регулятивные катализаторы субъективных действий. Они по своей сути оригинальны и неподражаемы, самобытны и устойчивы, уникальны и неповторимы. Являясь устойчивым мотивационным образованием, ценности выполняют функции социального механизма, обуславливающего объединение наций и государств в единое целое. У каждого народа имеются обычаи и обряды, традиции и праздники, отношение к любви и браку, рождению и воспитанию детей; музыкальное и песенное творчество, литература и живопись – их целостность детерминирована культурным кодом.

Насаждение чуждых ценностей и идеалов, вторжение без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений в язык и образование, науку и религию, семью и коллективную память, приводят к разобщенности и поляризации социумов, разрушают культуру, подрывают основы политической и социальной стабильности. Попытка пересмотра основополагающих ценностей культуры наносит непоправимый ущерб социальному и нравственному здоровью общества, формирует условия для его саморазрушения, увеличивает разрыв между поколениями, порождает появление национализма и ксенофобии, фанатизма и религиозного экстремизма. В современных условиях только культурные коды способны спасти цивилизации от разрушительного воздействия трансформаций коммуникативного пространства, сохранить институциональные основы, придающие культуре новое качество в условиях вызовов новой социальной реальности.

Таким образом, культурные коды транслируют смыслы и ценности культуры, социальный опыт и знания в каждой конкретной цивилизационной эпохе, являются одним из важнейших механизмов единения наций и народов благодаря сохранению языка и основных морально-нравственных ценностей, идентичности и исторической памяти, укреплению веры и семьи, формированию патриотизма и любви к Отечеству [Котляров, 2022, с. 58].

Литература

- Букина, Н.В. (2010). К вопросу методологии исследования культурных кодов. *Вестник Бурятского государственного университета*. № 14. С.132-237.
- Букина, Н.В. (2008). Культурный код как язык культуры. *Вестник Читинского государственного университета*. № 2 (47). С. 69-73.
- Васильева, К.К. (2002). Стадиальность социокультурных кодов. *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия*. № 5. С. 82-92.
- Изотова, Н.Н. (2020). Культурный код: семиотический аспект. *Культура и цивилизация*. Том 10. № 1А. С. 122-127.

Картавцев, В.В. (2011). Философема как элемент культурного кода. *Вестник МГОУ. Серия «Философские науки»*. № 3 С. 81-87.

Котляров, И. В. (2022). Будущее как социальный проект (философско-социологические тренды). *Вестник Гродненского государственного ун-та имени Я. Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология*. Т. 12. № 1. С. 57–64.

Котляров, И. В., Надольская, В. И. (2021). Культурный код как эффективный механизм создания условий для развития культуры (социологический дискурс). Ахмадиева Р. Ш., Терехов П. П., Явгильдина Д. М. (ред.). *Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив*. Материалы Международной науч.-практ. конференции. Казань. С. 65–70.

Маслова, В.А. (2016). Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского. *Метафизика*. № 4 (22). С. 78-97.

Степанова, Н.И. (2012) Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты *Идеи и идеалы проблемы культурологии и искусствознания*. № 1(11). т. 2. С. 130-136

Эко, У. (2004). *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. СПб.: Симпозиум, 544 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
nikitinton5891@gmail.com

*Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-20099 при
паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия*

Лингвистический детерминизм в узком смысле выступает в качестве радикальной версии гипотезы лингвистической относительности. В этой версии утверждается не просто определяющее влияние языка на мышление, но и выдвигается тезис о том, что люди воспринимают мир через структуру языка. В первую очередь язык формирует способы категоризации, тем самым создавая несоизмеримость картин мира различных языковых сообществ. Идея лингвистического детерминизма имеет давнюю историю, но чаще всего ассоциируется с трудами Э. Сепира [Сепир, 1993] и Б. Уорфа [Уорф, 1960]. В отношении гипотезы лингвистической относительности в целом скорее сложился скептический взгляд, о чем пишет С.Ю. Бородай: «Несмотря на интуитивную понятность и общую прозрачность главного тезиса, гипотеза лингвистической относительности на данный момент не имеет общепринятой формулировки, а среди лингвистов и психологов активно дискутируются все основные понятия, которыми данная гипотеза может и должна оперировать. Не существует общепринятого мнения по поводу таких базовых концептов, как “язык” и “мышление”, не ясно, как нужно представлять себе возможное влияние языка на мышление и каковы границы этого влияния» [Бородай, 2013, с. 17].

Критику гипотезы также обострил пример, ставший уже хрестоматийным, выдвинутый сторонниками лингвистического детерминизма для обоснования своей позиции. Этот пример апеллирует к системе цветообозначения, которая вариативна в различных языках. В рамках радикальной версии гипотезы лингвистической относительности выдвигался тезис, что носители определенного языка могут различать только те цвета, наименования которых есть в структуре языка. Тезис спорный, поскольку вряд ли символическая система непосредственно может воздействовать на количество и функционирование фоторецепторов в сетчатке глаза. Количество наименований цветов никак не влияет на человеческую способность различать их визуально и, если носитель русского языка никогда не слышал про цвет маренго, то из этого не следует, что он не сможет его ощутить, увидев перед собой предмет соответствующей окраски.

Лингвистический детерминизм в широком смысле – любое учение, в котором присутствует утверждение об определяющей роли языка по отношению к каким-либо феноменам. В этом смысле он широко представлен в философии права, философии истории, теоретической социологии и множестве других отраслях социально-гуманитарного знания. При этом остается открытым вопрос о применимости лингвистического детерминизма в экономической теории и в исследованиях экономической культуры. Сама постановка такого вопроса стала возможной благодаря развитию, начиная со второй половины XX в., альтернативных классической экономической теории подходов: социокультурной экономики, поведенческой экономики, институциональной экономики и т.д. В большинстве из этих направлений рассматривалась взаимосвязь экономики и культуры, более того, сами экономисты стали утверждать, что «есть такие экономические явления, которые нельзя объяснить, не привлекая к этому культуру» [Аузан, 2017, с. 4].

Обращение к феномену культуры в социокультурной и поведенческой экономике предполагало и обращение к языку, как символической системе, в которой как отражается, так и закрепляется культурное своеобразие, влияющее на повседневную жизнь индивидов и способы принятия экономических решений. Исследования в этой области уходили в сторону экономической социологии и экономической психологии с непосредственным применением лингвистических методов. Философский подход к анализу языка стал более востребован в институциональной экономике, что было связано с новым подходом в понимании самих институтов, который емко сформулировал лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт: «Институты невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить. Институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием» [Норт, 1997, с. 137]. При этом институциональная экономика, если использовала философские теории, опиралась прежде всего на аналитическую традицию [Никитин, 2018], что естественным образом приводило к идеям о лингвистической обусловленности существования институтов.

Концентрированно эти идеи представлены в учении Дж. Серла о социальных институтах, в котором он утверждает, что язык является фундаментом по отношению к институциональной реальности, поскольку ни один из институтов, в том числе экономических (таких как деньги, собственность, налоговая система и др.), не может существовать без лингвистического представления. Язык формирует институциональные факты, выполняя четыре функции [Серл, 2007]: 1) институциональный факт содержит деонтологию, которая может существовать только через языковое представление, нет языка – нет деонтологии; 2) признание деонтических полномочий не может осуществляться без их языкового представления;

3) деонтология институциональных фактов может существовать даже вне сознания субъектов, ее создавших, если она представлена языковыми средствами; 4) с помощью языка институт распознается как таковой. В целом лингвистический детерминизм в учении Дж. Серла выражается в следующем тезисе: язык может существовать без денег, собственности и других институтов, но нельзя иметь деньги и собственность при отсутствии языка.

Стоит отметить, что Дж. Серл говорит о языке в самом широком смысле, что специально подчеркивает: «Я не имею в виду, что развитые естественные языки с их придаточными предложениями, модальными операторами и неоднозначностью сферы действия кванторов играют существенную роль в формировании институциональной реальности. Я так не считаю» [Серл, 2007, с. 18]. Под языком он подразумевает любой опыт символического описания, в котором возможна не только фиксация физических свойств, но и распознавание статусных функций (статусная функция приписывается объектам и не зависит от их физических свойств, как например мы приписываем бумажным купюрам ценность, несопоставимую со стоимостью бумаги).

Однако, такое представление о связи языка и институциональной реальности не исключает, что естественные языки могут репрезентировать наличие или отсутствие некоторых экономических институтов и тем самым определять экономическую культуру членов языкового сообщества. Этот тезис станет более очевидным, если обозначение экономических феноменов сравнить с вышеприведенным примером системы цветообозначения. Для индивида, в языке которого нет эквивалента слова «маренго», вычленение такого цвета на основе визуального опыта не должно вызвать особых трудностей. В случае, если в его языке нет эквивалента слова «деньги», демонстрация монет, купюр, банковских карт практически ничего не даст для передачи смысла соответствующего понятия. И эта трудность возникает именно из-за языковой обусловленности возникновения денег и многих других экономических явлений.

Таким образом, лингвистический детерминизм в исследовании экономической культуры обоснован в том плане, что любая экономическая система предполагает систему обозначений для своих элементов, существование многих из которых (но не всех, – к примеру, хозяйственная деятельность может осуществляться и без символического представления статусных функций) изначально определено языковыми средствами.

Литература

Аузан, А. (2017) Социокультурная экономика. *Наука и инновации*. № 2 (168). С. 4-10.

Бородай, С. Ю. (2013) Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации. *Вопросы языкознания*. № 4. С. 17-54.

Никитин, А. П. (2018) Аналитическая философия и институциональная экономика. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 41. С. 24-31. DOI: 10.17223/1998863X/41/3.

Норт, Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М. Фонд экономической книги «Начала».

Сепир, Э. (1993) *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М. «Прогресс».

Серл, Дж. (2007) Что такое институт? *Вопросы экономики*. № 8. С. 5-27.

Уорф, Б. (1960) Отношение норм поведения и мышления к языку. *Новое в лингвистике*. Вып. 1. С. 135-168.

СМЫСЛЫ ЭТНИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА. ИНСТИТУТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

О.А. Персидская

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
olga_alekseevna@mail.ru

В качестве институциональных структур, обеспечивавших порядок этносоциальных процессов и детерминирующих воспроизводство этничности, часто рассматривают государство, рынок и такие неформальные институты, как семья, родство, община (землячество). Так, государство структурирует этнические границы, кодифицирует этническое многообразие в юридических терминах, а также может ограничивать социальную мобильность отдельных групп. Рынок содействует формированию профессиональных ниш, которые заполняются представителями определенных этнических групп. Неформальные институты определяют права и обязанности, обусловленные принадлежностью к роду или этнической группе, например, некоторые частные правила распределения представительства этнических групп на позициях в управляющих структурах [Ерохина, 2018], а также обеспечивают процесс воспроизводства этничности «через обучение родному языку, благодаря усвоению социальных отношений и ценностей, ... которые передаются в процессе воспитания новых поколений в нормах, традициях и нравах» [Ушаков, 2009, с. 101] в семье.

Однако современная социально-культурная ситуация вносит существенные коррективы в привычные процессы. Важной интуицией современной этносоциологии является по-разному представленная в исследованиях мысль о том, что этничность как социальный феномен проходит через значительные трансформации. Так, процесс глобализации способствовал размытию практически всех маркеров этнической отличительности: смешению антропологических типов, сокращению значимости многих этноформирующих символов, таких, например, как «родная земля» и «родной язык», выхолащиванию смысла когда-то объединяющих этноформ традиций, обычаев, ритуалов [Анжиганова, Топоева, 2019]. Академическое сообщество говорит о различиях между «старой» и «новой» этничностью [Там же], разной специфике воплощения этнического феномена в социально-культурных условиях модерна и постмодерна [Ерохина, 2018], необходимости выработки новой концепции этнической идентичности, которая была бы адекватна современным условиям [см. обзор: Персидская, Фомкин, 2021].

На наш взгляд, рамки дискуссии об этническом феномене в современных условиях могут быть заданы с учетом влияния гипотезы новой

нормальности и концепции постмультикультурлизма. Гипотеза новой нормальности задает оптику динамичности и изменчивости нормы, ее контекстуальности, а также требует обновления набора правил и норм, смены привычного взгляда на мир [Солдатов, эл. ресурс]. Концепция постмультикультурализма обращается к описанию современного общества как общества с проницаемыми границами, в котором «транснациональные, в том числе и диаспорные пространства выступают местом общественных дискуссий, постоянных переопределений культуры и идентичности» [Куропятник, Куропятник, 2017, с. 147], а социокультурные процессы отличаются текучестью и неопределенностью. Для сравнения, основания концепции мультикультурализма были фундированы представлениями о необходимости перехода от колониальных структур управления к национальному обществу «с определенной системой позиций и связей в его границах между различными социальными, этническими и культурными группами» [Там же].

Такая оптика актуализирует вопрос об институтах воспроизводства этничности в современном мире. Пытаясь осмыслить содержание трансформаций, происходящих с этничностью, прежде всего, следует признать, что, наряду с этничностью, в качестве маркеров отличительности начинают выступать все больше и больше социальных категорий. Исследователи говорят о суперразнообразии идентичностей [Vertovec, 2007], которые формируются не только с опорой на этническую идентичность, как это было ранее, но с учетом таких категорий, как «иммиграционный статус, сопутствующая ему оплата труда, ограничения прав, различный опыт на рынке труда, гендерные и возрастные профили, паттерны пространственного распределения и смешанные локальные сети» [Куропятник, Куропятник, 2017, с. 153]. Это продуцирует ситуацию, когда этнические иерархии отчасти теряют свою значимость и прежние институты воспроизводства этничности перестают работать.

Далее, следует учитывать, что семья и малая группа сокращают свои полномочия в деле воспроизводства этничности у молодых поколений. В России эту миссию отчасти пытается взять на себя государство: «На современном этапе приобщение к этнической культуре осуществляется через деятельность специализированных общественных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления. В роли трансляторов выступают национальные школы и классы, где ведётся обучение родному языку, этнической истории и культуре» [Кшнякин, 2016, с. 422], но успешность ее выполнения пока что находится под вопросом. Нам видится значимым опасение, что форма воспроизводства этничности через посредничество иных, кроме семьи и близкого окружения, структур, может способствовать складыванию поверхностного представления о других этнических традициях, когда культура «иног» превращается в экзотическое

зрелище, привлекательное по форме, но лишенное внутреннего содержания. Это является частью масштабного процесса, который называют фестивализацией культуры [Беломоева, Кондратенко, 2020, с. 447] или эрзатизацией этнической традиции [Мадюкова, Персидская, 2018]. Данный процесс характеризуется тем, что от всего сложного комплекса этнокультуры остается только лишь его красивая оболочка, которую актуализируют искусственно для фестивальных и праздничных мероприятий, что приводит к девальвации ценности целого – комплекса этнической традиции.

Наконец, виртуализация социального пространства приводит к тому, что новая коммуникативная инфраструктура социальных платформ трансформирует пространство межэтнического общения, этническую идентичность, язык дискурса и его функции, превращая виртуальные этнокомьюнити в квази-институт накопления социального капитала [Глухов, 2015]. Эта виртуальная среда выполняет ряд функций, связанных как с организацией экономических, культурных, религиозных и досуговых социальных практик, так и с воспроизводством этнической идентичности.

Конвенциональный ответ на вопрос о том, в каком виде существует и как воспроизводится этнический феномен в современных условиях, как нам кажется, пока не сформулирован. Это актуализирует научный интерес как к вопросам бытия этничности в современном мире, так и к социальным институтам, способствующим ее воспроизводству. Подводя итог, можно говорить о том, что в современных условиях формируется не только новая норма, регулирующая существование этнических феноменов, но и сама этничность наполняется иным смыслом. Важно зафиксировать такие процессы, как преодоление институциональных констелляций в условиях увеличения проницаемости границ между государствами и локальностями, снижение значимости этнических иерархий и культурных различий, а также сокращение роли неформальных институтов (семья, ближайшее окружение) в воспроизводстве этничности.

Литература

Анжиганова, Л. В., Топоева, М. В. (2019). «Новая этничность»: теоретические аспекты исследования. В. А. Луков (отв. ред.) *Тезаурусы и проблемы культуры: доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции (с международным участием)*. М. Московский гуманитарный университет. С. 281-292.

Беломоева, О. Г., Кондратенко, Ю. А. (2020). Этнокультурная традиция в современном мире: функциональный аспект. *Финно-угорский мир*. Т. 12. № 4. С. 447-456.

Глухов, А. П. (2015). Смена локуса этнического дискурса: социальные сети как «машины воспроизводства» этничности. *Science Time*. № 10 (22). С. 68-73.

Ерохина, Е. А. (2018). Детерминанты воспроизводства этнического многообразия: рынок, государство, неформальные институты. *Идеи и идеалы*. № 3. Т. 2. С. 185–197. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-185-197.

Куропятник, А. И., Куропятник, М. С. (2017). Постмультикультурализм: некоторые подходы к изучению современных социальных и культурных процессов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 17. № 2. С. 145-156. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-2-145-156.

Кшнякин, Е. В. (2016). Трансляция этнической культуры мордвы в современных условиях. *Современные научные исследования и разработки*. № 7(7). С. 421-424.

Мадюкова, С. А., Персидская, О. А. (2018). Традиционная культура и этноэкономика в системе детерминант трансформации регионального сообщества. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. № 2. С. 61-68.

Персидская, О. А., Фомкин, Ф. С. (2021). Современные подходы к исследованию этнической идентичности. *Сибирский философский журнал*. Т. 19. № 3. С. 68-86. DOI: 10.25205/2541-7517-2021-19-3-68-86.

Солдатова, Г. В. (2020). Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью» *Психологическая газета* [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.su/feed/9511/> (дата обращения 21.08.2022).

Ушаков, Д. В. (2009). Роль семьи в воспроизводстве этничности народов Республики Алтай. *Социологические исследования*. № 3. С. 101–108.

Vertovec, S. (2007). Super-diversity and its Implications. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. No. 6. pp. 1024-1054.

РЕВОЛЮЦИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XIX ВЕКА: АСПЕКТ КОЛЛЕГИАЛЬНО РАЗДЕЛЕННОЙ ВЛАСТИ

Д.Б. Савельев

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
d.savelev@g.nsu.ru

В кон. 1990-х гг. американский социолог Р. Коллинз предложил выделять два основных измерения демократии: уровень коллегиально разделенной власти (сокр. КРВ) и широту охвата избирательного права [Коллинз, 2015, с. 196–258]. Концепция КРВ подвергалась слабой теоретизации, хотя уровень КРВ имеет основания считаться ключевой для эволюции политических режимов переменной. При обращении к ряду других смежных концепций уже были указаны определение и некоторые критерии КРВ [Савельев, 2021]. Дальнейшим исследовательским шагом является эмпирический анализ, который должен показать адекватность и перспективность разрабатываемого подхода. Если Коллинз прав и коллегиально разделенная власть является фундаментально значимым элементом демократии, то её учет должен будет закрыть те лакуны, которые были характерны для более ранних теорий в транзитологии.

Как мы полагаем, в периоды социально-политических кризисов происходят явные институциональные сдвиги и ярко проявляются различные факторы социальной динамики, что облегчает их обнаружение. Социально-политическим кризисом мы называем такой конфликтный период в истории государства, когда низовые протесты и недовольство элит настолько сильны, что их не удастся погасить обычными действиями со стороны режима, поскольку они приводят к подъему и расширению протестов и недовольства [Розов, 2018, с. 79].

Мы концентрируемся на революциях как самых ярких проявлениях социально-политических кризисов, поскольку именно в таких условиях наиболее отчетливо проявляются процессы кризисной динамики и происходят наиболее явные изменения в политических институтах и в связях между ними; «революцию можно охарактеризовать как специфическое состояние власти, при котором государственность находится в особом, “расплавленном” состоянии» [Колоницкий, 2012, с. 6].

В исследовательском отношении мы ограничиваемся Западной Европой XIX в., т.к. происходившие там и тогда революции наиболее подробно изучены и наиболее полно описаны в научной литературе, а также являлись референтными образцами для других революций из-за высокого престижа стран указанных времени и места. В частности, далее рассматриваются революции 1830, 1848 и 1870 гг. во Франции, 1830 г. в Бельгии и 1848 г. в Австрии и Пруссии.

В работе мы используем метод качественного сравнительного анализа (сокр. КСА), который совмещает себе позитивные стороны как качественных (ориентация на учет уникальности и многоаспектности кейсов), так количественных (широкие возможности для их сравнения) методов [Маркс, Риу, Рэйгин, 2015; Мелешкина, 2015]. Этот метод подразумевает построение таблиц истинности, запись их содержания булевой алгеброй специальным способом, процедуры выделения общих множителей и элиминации тавтологий, а также соответствующую теоретическую интерпретацию итоговой факторной формулы.

В работе выделяется два типа объясняемых явлений, соответствующих формальным и неформальным критериям КРВ.

С формальными аспектами КРВ связаны наличие права парламента участвовать в формировании правительства, наличие ответственности правительства перед парламентом и отсутствие у главы государства формальных представителей в законодательных учреждениях. Все переходы от одного состояния к другому представляют собой качественные скачки, т.к. каждый переход требует соответствующей конституционной реформы, четко разделяющей состояния «до» и «после». Такие скачки – получение и дальнейшие утрата или сохранение парламентом права участвовать в формировании правительства, возникновение и дальнейшие исчезновение или сохранение ответственности правительства перед парламентом и исчезновение и дальнейшие возникновение или сохранение отсутствия у главы государства формальных представителей в парламентах – являются классами объясняемых явлений.

Неформальными критериями КРВ являются отсутствие в политической системе репрессивной борьбы между акторами и наличие правительства с представителями различных политических сил. Поэтому классами объясняемых явлений являются, соответственно, отказ от и возникновение или сохранение отказа от репрессий в отношении политических оппонентов и возникновение и дальнейшие исчезновение или сохранение в правительстве представленности различных политических сил.

Сложный КСА, включающий 8 типов гипотетических переменных, 5 таблиц и 12 факторных формул, показывает, что становление высокого уровня КРВ (случаи Бельгии 1830 г. и Франции 1870 г.) проходило через 5 последовательных этапов:

1. Революционное свержение власти приводит к появлению коалиционного временного правительства (с представителями различных политических сил) и свержению прежнего главы гос-ва;
2. Временное правительство созывает учредительное собрание, в котором наблюдается паритет политических сил (отсутствие стабильного большинства);

3. Революционное свержение власти, коалиционное правительство, внутрипарламентский паритет и общая геополитическая угроза ведут к (долговременному) отказу от реализации своих политических проектов новым главой гос-ва;

4. Коалиционное правительство, внутрипарламентский паритет и отказ главы гос-ва от реализации своих политических проектов ведут к (долговременному) отказу от внутренних репрессий;

5. Коалиционное правительство, внутрипарламентский паритет, отказ главы гос-ва от реализации своих проектов и общая геополитическая угроза ведут к стабилизации нового политического режима, что выражается в установлении формальных институтах КРВ (ответственность правительства перед парламентом, отсутствие у главы гос-ва формальных представителей в парламенте)

Также следует подчеркнуть, что отклонения от данной модели вели к более низкому уровню КРВ после революций.

В частности, отсутствие геополитической угрозы вело к постепенной консолидации власти в руках главы гос-ва, поскольку политические силы оказывались склонны к более конфликтным стратегиям, а глава гос-ва в таких условиях имел больше возможностей для реализации своих планов и дальнейшего подрыва институтов КРВ (случаи Франции 1830 и 1848 гг.).

А отсутствие революционного свержения власти вело только к уступкам со стороны главы гос-ва и связанного с ним центра сил, которые сохраняли за собой полноту власти над государственным аппаратом, что позволяло им относительно быстро консолидироваться и переходить к ликвидации институтов КРВ, за исключением тех, которые были впоследствии сохранены в силу своей полезности для власть имущих – итоговый уровень КРВ в таком случае был низким (случаи Австрии и Пруссии 1848 г.).

При этом во всех случаях, для которых не было характерно становление высокого уровня КРВ, узурпация власти осуществлялась главой гос-ва и связанной с ним политической силой, а сам авторитарный откат начинался с неформальных критериев КРВ.

Разумеется, данные выводы проведенного КСА являются весьма ограниченными и не претендуют на совершенную окончательность, но, как мы полагаем, они имеют определённую ценность. Эта ценность не является сугубо исторической, поскольку, следуя за макросоциологическим подходом, мы имеем основания полагать, что основные принципы и механизмы функционирования человеческих обществ не претерпели радикальных изменений и в общих чертах они как действовали в XIX веке, так и будут действовать на протяжении XXI века.

Литература

Коллинз, Р. (2015). *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М. УРСС: ЛЕНАНД.

Колоницкий, Б. И. (2012). *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года*. СПб. Лики России.

Маркс, А., Риу, Б., Рэйгин, Ч. (2015). Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет. Ильин М.В. (ред.). *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. М. РАН. ИНИОН. С. 319–350.

Мелешкина, Е. Ю. (2015). Возможности качественного сравнительного анализа (QSA) для исследования посткоммунистических трансформаций. Ильин М.В. (ред.). *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. М. РАН. ИНИОН. С. 351–373.

Розов, Н. С. (2018). *Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций*. М. КРАСАНД.

Савельев, Д. Б. (2021) Коллегиально разделенная власть: определение и критерии. *Сибирский философский журнал*. Т. 19. № 4. С. 87–98. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-87-98.

КОНЕСЕРВАТОР КАК СУБЪЕКТ АКТА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Я.А. Сединин

НИ Томский Государственный университет, г. Томск
comsedinin@gmail.com

З. Фрейд в работе «Три очерка по теории сексуальности» отметил весьма неприятный и неэстетический факт, касающийся соседства половых органов с другими частями тела человека, после чего культурный пласт человечества был одарён знаменитой формулой: «Анатомия – это судьба». Иными словами, специфическая конституция человеческого тела является той данностью, от которой он не может отойти или отринуть её. Переформулируя слова Фрейда, мы можем сказать что-то подобное уже в отношении структуры, функционирование которой определяет всякую совместную человеческую деятельность. Речь, прежде всего, идёт о языковой структуре, которая представляется нам в качестве различия. Как указывал Ф. Соссюр, язык всегда является дифференцированной совокупностью [Соссюр, 1977, с. 49], т.е. элементы языка, в том числе и знаки, могут выстраиваться в цепочки, создавать смысл и значение, а также образовывать операции метафоры и метонимии только в том случае, если между несколькими элементами языка создаётся определенная оппозиция.

Представление Ф. Соссюра о делении знака на означающее и означаемое является ярким примером дифференцирования, поскольку, во-первых, уже поверхностно мы вводим различие между языком и речью, между значением и акустическим образом (означающее и означающее), во-вторых, определенное означающее связывается с означаемым на основе всё той же процедуры различения означающих. Однако, необходимо заметить, что связка означающего и означаемого не является однозначно равной, т.е. отношения означаемого и означающего представляется нам как отношение некоторого неравенства [Кьеца, 2021, с. 89]. Это происходит в силу того, что в семиологии и структурном психоанализе называется «скольжением» означающих. Иными словами, конкретное означающее получает своё означаемое посредством процедуры различения означающих между собой. Смысл, который мы можем приписать тому или иному знаку, образуется благодаря связи этого знака с другим, поскольку само означающее не несёт в себе какого-либо смысла, его образование ретроактивно, когда, например, фраза завершается [Кьеца, 2021, с. 107]. Таким образом, означаемое или же смысл того или иного знака образуется в том случае, если мы имеем дело с цепочкой означающих, способных благодаря операции различения произвести их в качестве эффекта «скольжения».

Беря во внимание погруженность субъекта в язык и речь, мы не можем не обратить внимание на производство эффектов бессознательного благодаря

языку и речи, а также с их помощью. Обращаюсь к ранним работам З. Фрейда («Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни» и «Остроумие и его отношение к бессознательному») становится очевидным, что течение бессознательной жизни субъекта в качестве эффекта может производить определенное «полотно» знаков, структурированных на первый взгляд иррационально и совершенно бессмысленно. Например, анализируя сновидение мы сталкиваемся с конкретной диспозицией знаков, однако, для нас не обладающей какой-либо смысловой целостностью. Психоанализ, как методика «декодирования» знаков бессознательного, призван внести ядро рациональности, в, на первый взгляд, абсурдное полотно знаков сновидения (или ненамеренных оговорок в речи, симптомов и т.д.).

Существование так называемой «второй сцены» или бессознательного накладывает на артикуляцию знаков со стороны субъекта собственные ограничения, которые в свою очередь трансформируют смысл изначальной композиции знаков. Именно благодаря тому, что означающее, будучи артикулировано со стороны субъекта в его речи, действует на двух разных планах: Я, как течение сознательной жизни, и бессознательного; речь наполнена тем, что Ж. Лакан, вслед за З. Фрейдом, называет расщеплением субъекта. В речи субъект «расщепляется» на субъекта высказывания и субъекта акта высказывания. Означаемое, как носитель смысла находится на стороне субъекта высказывания, который представляется в речи как Я, которое и производит высказывание. Означающее, способное производить эффекты благодаря «скольжению» напротив, находится на стороне субъекта акта высказывания, который всегда вписан в бессознательную сцену. В этой связи, субъект, артикулируя означающие в речи, говорит больше, чем предполагает именно по той причине, что означающие, привязанные к означаемым в рамках сознательного дискурса, в бессознательном актуализируют процесс означивания, создающий уже бессознательный смысл сказанного.

Разрыв между субъектом высказывания и субъектом акта высказывания создаёт, как это удачно назвал Ж. Лакан, «стену языка», разделяющую субъектов, а также создающую разрывы в дискурсе и коммуникации. С точки зрения стабильности общественных установлений, подобная ситуация является весьма острой, поскольку подрывает фундамент демократических институтов. Представив ситуацию, когда пространство общего свободного политического действия субъектов наполнено разного рода разрывами, мы неизбежно приходим к пониманию, что для адекватного и стабильного функционирования демократии необходимы определенные интересубъективные договоренности, какими, например, выступают национальные и международные правовые установления. Однако, как нам кажется, их недостаточно, поскольку, как показывает политическая практика консервативных политических лидеров (в частности, например, Д. Трамп в

США), право может быть использовано в том числе и для подрыва демократии. Демократический консенсус также должен быть организован вокруг различных идеологических опор, какими могут выступать демократическая традиция, мораль и иные идеологические «ядра».

Консервативные политики и политические движения, пренебрегая intersubjectивным консенсусом вокруг демократии, тем не менее, выступают на стороне означенного, и, следовательно, бессознательного смысла. *«Объектом, важным для носителя правого уклона, является то, что в субъекте левизны соответствует его нехватке»* [Смулянский, 2021, с. 199]. Этим объектом выступают разного рода меньшинства и социальные практики их «защиты», которые в современном западном обществе фактически принимают форму «обратной дискриминации». На самом деле, нам не важно, каким образом оценивать те или иные социальные практики, но необходимо отметить общий накал политических дискуссий и образовавшиеся антагонизмы. Таким образом, консерваторы, подрывая intersubjectивные установления демократии, тем не менее «декодируют» те бессознательные смыслы, которые в сознательной политической дискуссии не задействуются по идеологическим причинам. Гегемония в политическом пространстве Западной Европы и США так называемых «прогрессистов», тем не менее, «взламывается» реакционными и консервативными высказываниями, несущими в себе своеобразную «истину» политической и социальной практики классов, осуществляющих гегемонию.

Литература

- Кьеза, Л. (2021). *Субъективность и инаковость*. СПб. Скифия-принт.
- Смулянский, А.Е. (2021). *Исчезающая теория. Книга о ключевых фигурах континентальной философии*. М. РИПОЛ классик.
- Соссюр, Ф. (1977). *Курс общей лингвистики*. М. Прогресс.

РОЛЬ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

К. П. Соболева

Национальный исследовательский
Томский государственный университет, г. Томск
d.k.p@inbox.ru

Применение феноменологического подхода приобретает особое значение в современной системе культурных ценностей и образования. Суть данного метода заключается в развитии и получении собственного уникального опыта формирования и становления общекультурных ценностей, исходя из индивидуальных особенностей ученика. Опираясь на личностное восприятие мира, персональную шкалу ценностей, интересов и потребностей, обучающийся вбирает в свое мировоззрение только самые качественные знания и опыт. Однако данный метод не может справиться с элементами массовой культуры, которые преобладают в современном обществе. Также сложно обстоит дело с нормативностью и практикоориентированностью. Несмотря на это феноменологический подход часто используется в системе современного образования поскольку связан с понятием «индивидуальности».

Основные современные модели развития общества большинства стран опираются на американские и европейские образцы, где как раз главный акцент сделан на индивидуализм. Согласно этим моделям, человек развивается посредством творчества, становится конкурентоспособной личностью и хорошим стратегом, который может найти выход из любой ситуации применив творческий подход [Гуссерль, 1999, с. 27].

Феноменология – это системное направление, основанное на возможности посмотреть на структуру явления, обходя все стереотипные представления о нем. При использовании феноменологического подхода в образовательной системе учащийся видит явление, предмет в чистом виде. Для него весь учебный процесс – как на ладони, без примеси бюрократизации, чистой формальности. По мнению Н.В. Мотрошиловой, феноменология возвращает нас к пережиткам прошлого: к тому как раньше ценили философию и основополагающие ценности, но в тоже время данные ценности встраиваются в современную систему, обогащая ее и делая креативной, творческой [Мотрошилова, 1968, с. 4].

В ходе реализации феноменологического метода в системе современного образования, человек ощущает себя важной частью общего дела, что не характерно для массовой культуры. Он не просто элемент механизма, но сопереживающий член общества, отстаивающий общие идеалы и ценности. Это становится особенно актуальным в XXI веке, в связи

с конфликтами из-за религиозных разногласий, культурных и политических противоречий.

В современном западном представлении о мире – каждый человек противопоставляется другому, как конкурент. В образовательной среде – любой обучающийся чувствует одиночество, невписанность в мир, отчужденность. Именно феноменологический подход помогает гармонизировать отношение ученика и мира в целом. Ученик пронесет через себя свой опыт, все знание и вбирает только самое ценное и нужное. По сути, феноменологический подход предполагает объединение творчества и логики, рационального и иррационального знания, гуманитарного и технического знания, способствуя формированию критического мышления.

О необходимости применения феноменологического подхода свидетельствует то, что в нашем обществе существует проблема недопонимания между различными социальными группами и общностями в отношении ценностей, приоритетов, идеалов. Нормативность образования конкурирует с самостоятельными образовательными единицами: частными школами, тренингами, которые зачастую предлагают некачественное образование, внушают ценности массовой культуры и общества потребления. Современная молодежь стремится получать разностороннее образование и большее предпочтение отдает неформальным предметам, творческим и креативным. Это связано с тем, что в обществе потребления ребенок стремится все свое свободное время уделять получению новых впечатлений, удовольствию. В результате другие, менее привлекательные специальности, требующие большей концентрации и усидчивости, оказываются менее востребованными относительно популярных в массовом обществе направлений деятельности. Отсюда возникает востребованность какого-то одного направления деятельности, профессии, в ущерб другим специальностям и перспективам.

Феноменология позволяет решить эту проблему, перенося акцент на становление ценностных общепризнанных идеалов и ценностей в системе мировоззрения ученика и общества в целом. Студент пропускает через себя все возможные культурные образы, отсекает лишнее и вбирает только самое важное и нужное, ощущая таким образом всемирную значимость. Здесь культура и образование выступают в качестве смысла жизни. Каждый ребенок самостоятельно формирует свою историю. Одновременно с этим формируются основные модели взаимодействия между ребенком и родителями, учителем и учеником, опираясь на которые мы можем выбрать лучшую, более устойчивую и продуктивную модель и применить ее на практике [Хайдеггер, 1993, с. 214].

Преподаватель выступает в качестве наставника, который трудится во имя общемировых ценностей, ради всего человечества. Его главными приоритетами становятся распространение мудрости и встроенность в мир, а

также добродетели и гуманность. Исходя из данного подхода каждый ученик сам выбирает приоритет определенного направления и социализируется. Система образования только предоставляет ему данные возможности.

Феноменологический подход помогает ученику формировать самостоятельность в поиске истины, анализировать различную информацию, развивая критическое мышление. Это не просто поиск, а также анализ, обработка и применение полученных знаний на опыте. Несомненно, данный подход направлен на формирование в обществе большей востребованности гуманитарных и общественных дисциплин, влияющих на развитие коммуникативных навыков [Хайдеггер, 1993, с. 252].

Между современными социальными институтами существует огромная пропасть непонимания, связанная с различиями между ценностями, приоритетами и методиками обучения. Ученик в данной среде чувствует себя покинутым. Ставка на развитие общественных и гуманитарных наук – помогает ученику и учителю договариваться, у обучающихся формируется собственная позиция, отношение к миру в целом и ребенок не боится высказывать собственную точку зрения.

Каждый человек в системе феноменологического подхода растет, развивается и совершенствуется в течение всей жизни. Ребенок выступает как творец своей собственной судьбы, самостоятельно моделирует возможные варианты будущего и выбирает более подходящий для себя. Таким образом, учитывая индивидуальность каждого, учитель помогает приобрести ребенку свой собственный опыт постижения мира. Феноменологический подход, в системе современного образования, выступает в качестве синтетического метода, вбирающего в себя самые продуктивные идеи современного образования. В соответствии с ним основной задачей педагогики становится воспитание и формирование человека в целом, что отчасти позволяет решить культурные и политические противоречия XXI в.

Литература

Гуссерль, Э. (1999). *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Общее введение в чистую феноменологию*. М. Изд-во Дом интеллектуальной книги.

Мотрошилова, Н. В. (1968). *Принципы и противоречия феноменологической философии*. М. Изд-во Высшая школа.

Хайдеггер, М. (1993). *Бытие и время*. М. Изд-во Республика.

Хайдеггер, М. (1993). *Работы разных лет*. М. Изд-во Республика.